

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-154-172>

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Е.С. Апалькова
г. Москва, Россия

«ЛЮБОВЬ КАК ПРЕОБРАЖЕНИЕ»: С.А. ЕСЕНИН И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ¹

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект № 25-28-01038 «Н.А. Клюев и С.А. Есенин в диалоге с классиками
и современниками: традиции и новаторство»)

Аннотация: В статье рассматривается концепт спасительной любви в цикле С.А. Есенина «Любовь хулигана»: в его содержательной противоположности мотиву животной страсти в «Москве кабацкой» и в контексте полифонического диалога поэта с литературно-философской традицией. В европейской литературе мотив преобразующей силы любви и образ идеальной возлюбленной восходят к «Божественной комедии» Данте Алигьери. В русской литературе особенно яркое развитие они получают в творчестве А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева и символистов, в частности А.А. Блока. В русской религиозной философии любовь становится предметом осмысления в начале XX в. (Вл.С. Соловьев, П.А. Флоренский и др.). Эта литературно-философская традиция по-своему воплощается в поэтическом цикле «Любовь хулигана» и книге «Москва кабацкая» С.А. Есенина. Проанализировано, как историко-литературный контекст получает особое преломление за счет драматических обстоятельств в биографии поэта 1920-х гг. (отношения с Августой Миклашевской, так называемое «Дело четырех поэтов»), а также выявлены переклички с трудами Соловьева, Флоренского; концепцией любви у Ф.М. Достоевского; лирикой Пушкина и Тютчева. Делается вывод о том, что развитие лирического сюжета определяет движение от мотива любви-спасения к трагическому мотиву гибели. Эта поэтическая драматургия вписана в размышления лирического героя о его жизненном пути, неотрывном от судьбы Родины.

Ключевые слова: С.А. Есенин, любовная лирика, «Любовь хулигана», «Москва кабацкая», традиции, философский контекст.

Информация об авторе: Елизавета Сергеевна Апалькова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы Российской академии наук им. А.М. Горького, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0042-9494>

E-mail: liezchen@mail.ru

¹ Автор выражает признательность С.А. Серегиной за оказанную помощь в работе над исследованием.

Дата поступления статьи: 31.01.2025

Дата одобрения рецензентами: 03.02.2025

Дата публикации: 25.06.2025

Для цитирования: Апалькова Е.С. «Любовь как преображение»: С.А. Есенин и традиции русской любовной лирики // Вестник славянских культур. 2025. Т. 76. С. 154–172. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-154-172>

Любовная лирика Есенина, образ возлюбленной и тема вечно-женственного в творчестве поэта не раз становились предметом исследовательского внимания². В цикл С.А. Есенина «Любовь хулигана» (1923) входит семь стихотворений, написанных в жанре послания-исповеди: «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...», «Пускай ты выпита другим», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...». В отличие от цикла «Москва кабацкая» (1924) с его «грехопадением и раскаянием» [2, с. 25], художественно-философское содержание «Любви хулигана» определяют идеи преображения и просветления. Светлое возвышенное чувство возрождает душу лирического героя, пробуждает ее и открывает новый взгляд на жизнь, что свидетельствует о «духовном взлете» поэта [33, с. 54]. Основные мотивы «Любви хулигана» — сила очистительной любви и осмысление жизненного пути поэта — вписывают есенинский цикл в важнейшую для русской культуры литературно-философскую традицию. О центральных для цикла мотивах спасительной любви, преображения и возвышения через преодоление бездны «Москвы кабацкой» неоднократно писали литературоведы³. Однако содержательная близость цикла к русской литературно-философской метафизике любви остается за пределами исследовательского внимания.

Одна из центральных линий русской философии связана с формированием этики преображенного Эроса. Ее нравственная проблематика зиждется на решении важнейших вопросов: это амбивалентность эроса и противоречивая природа любви; противостояние духовного и телесного; идеализация и/или демонизация возлюбленной; ее близость к божественному и/или инфернальному началу и т. д. Особенно явственно эти вопросы начинают звучать на рубеже XIX–XX вв. в трудах Вл.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.В. Розанова, П.А. Флоренского и др. В.П. Шестаков пишет о «вулканической энергии» любви в Серебряном веке, которая «оказывается одновременно и этикой, и эстетикой, и психологией, и постижением божественного» [37, с. 6–7]. Многогранное воплощение эта метафизика любви получила в трудах Соловьева.

В трактате «Смысл любви» (1892–1894) Соловьев провозглашает истинную любовь как путь к всеединству и преодолению эгоистического начала в человеке. По его мнению, «далекий идеальный образ любимого предмета» дан для того, чтобы мы «*преобразовали* по этому истинному образцу не соответствующую ему действительность» [49, т. 2, с. 517] (курсив наш. — Е.А.). Так Соловьев раскрывает свое понимание любви, осмысляя ее как онтологическое сущее, позволяющее преодолеть смерть и возродить идеальное начало в личности: философ «выражает эту интуицию, дерзновенно пытаясь выйти за пределы отдельной человеческой души, где любовь представляется в ряду прочих аффектов, и посмотреть в лицо той любви, которая отождествляется ап. Павлом с Богом» [15, с. 104]. Эти идеи, как известно, оказали влияние на творчество поэтов-

² См. об этом: [8, 19, 28, 30].

³ См. об этом: [3, 21, 26, 29].

символистов — А. Белого, А. Блока и др.⁴, а также на последующую русскую философскую традицию: не только на софиологию П.А. Флоренского⁵ и С.Н. Булгакова⁶, но и на А.Ф. Лосева с его представлениями о «духовной, преображенной телесности» и Эросе Платона⁷. Флоренский в книге «Столп и утверждение истины» (1908), которую Есенин мог знать благодаря Н.А. Клюеву⁸, пишет о любви, открывающей человеку лишь на один миг высшие миры и приближающей его к Богу:

Любовь с такой же необходимостью следует из познания Бога, как свет лучится от светильника и с какою ночное благоухание струится из раскрывающейся чашечки цветка [51, с. 95].

Известно, что в качестве эпиграфа к статье «Красота в природе» (1889) Соловьев взял цитату из романа «Идиот» Ф.М. Достоевского: «Красота спасет мир», — так философ обозначил цельность русской литературно-философской традиции, утверждающей ценность красоты как воплощения божественного начала, способного преобразить мир и символизирующего «всеединую идею». Для самого Достоевского нравственным идеалом русской женщины была пушкинская Татьяна — «тип положительной красоты», «апофеоза русской женщины» [41, т. 26, с. 140]. Философия писателя отвергала животное начало в любви и устремлялась к преображенной телесности, — к манифестации «нового, совершенного естества, освободившегося от первородного греха, обретшего бессмертие и полноту бытия» [6, с. 200]. К такому убедительному выводу приходит А.Г. Гачева, цитируя запись писателя:

Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, которое вряд ли будет и называться человеком <...> эта черта: «Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы Божии» [41, т. 20, с. 173].

Этот вектор осмысления метафизики любви в художественной форме имеет, как известно, давнюю традицию. Понимание любви как преодоления *земного* и обретения *высшего* во многом идет от поэзии средневековья и романтизма, «Божественной комедии» Данте Алигьери и «Фауста» И.-В. Гёте и по-особенному преломляется в русской литературной традиции — в творчестве не только Достоевского, но и А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, И.С. Тургенева, А.А. Блока, Андрея Белого, В.И. Иванова, С.М. Соловьева и др.

Формирование женского идеала в мировоззрении Есенина восходит к его юности (см.: [32]). В 1912 г. в письме к Г.А. Панфилову Есенин раскрывает свое понимание идеального в женщине, уподобляя М.П. Бальзамову, с которой начинающего поэта связывали романтические отношения, Лизе из «Дворянского гнезда» Тургенева:

Эта девушка тургеневская Лиза («Двор<янское> гн<ездо>») по своей душе. И по всем качествам, за исключением религиозных воззрений [42, т. 6, с. 13].

⁴ См. об этом, напр.: [12, 14, 22, 25].

⁵ О Соловьеве и Флоренском см., напр.: [9, 24].

⁶ О Булгакове и Соловьеве см., напр.: [7].

⁷ См. высказывание Лосева об Эросе Платона: «Его Эрос есть любовь до тех границ, когда две души уже перестают существовать в отдельности <...> Платон хочет такого преображения мира, в котором плоть была бы чистой и плотью именно духа, а не злым началом» [45, с. 54–55]. См. также: [35].

⁸ Известно высказывание Клюева в записи Н.И. Архипова: «“Столп и утверждение Истины” П. Флоренского — дивная, потрясающая книга. Никогда в жизни не читал более близкого моему сердцу писания! Читая ее, я очищаюсь от грехов моих» [43, с. 67].

Анализируя письмо начинающего поэта, С.А. Серегина делает вывод:

Смысловый центр этого описания, говоря по-тургеневски, — «серебро нетронутой юности». Этот образ навсегда войдет в сердцевину есенинского идеала женщины [32, с. 83].

Так философия вечно-женственного у Есенина оказывается созвучной не только Тургеневу, но и Достоевскому, который ставит Лизу в один ряд с Татьяной Лариной:

Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева [41, т. 26, с. 140].

Дальнейшее движение Есенина в его преодолении «пошлости» продолжается в осмыслении и переосмыслении идей Л.Н. Толстого (в том числе его «Крейцеровой сонаты»), теософских представлений (см.: [32, с. 383–391]), а также в диалоге с классиками русской лирики. В понимании юного поэта пошлость приравнивается к грубой, низкой телесности, о чем он писал Бальзамовой:

Люди нашли идеалом красоту и нагло стоят перед оголенной женщиной, и шупают ее жирное тело, и раздражаются похотью. И эта-то игра чувств, чувств постыдных, мерзких и гадких, названа у них любовью [42, т. 6, с. 39].

В зрелом творчестве Есенина любовная тема и женские образы раскрываются по-разному: это и прекрасное высокое чувство («Не бродить, не мять в кустах багряных...», <1916>), в котором слышится отзвук софиологии Соловьева (см. [32, с. 392]), и мучительная связь — «зараза», «чума» («Москва кабацкая», 1924). Любовная тема принципиально важна для художественного содержания стихотворения «Письмо к женщине» (1924); цикла «Персидские мотивы» (1925); поэмы «Анна Снегина» (1925). Однако именно в цикле «Любовь хулигана» (1923) женственность наиболее ярко и полнокровно представлена как «духовно-нравственный и эстетический идеал, способствующий обретению гармонии как внутри себя, так и с окружающим миром» [27, с. 222].

Понимание художественного содержания цикла «Любовь хулигана» невозможно без обращения к истории его создания. Все стихотворения написаны Есениным после зарубежной поездки с А. Дункан в период частых встреч поэта с актрисой Камерного театра А.Л. Миклашевской с августа по декабрь 1923 г. Однако замысел создания цикла об исцеляющей любви как преодолении «кабацкого омута» возник еще до знакомства с Миклашевской. В наборном экземпляре стихотворения не датированы, но уточнение датировки стихотворения «Пускай ты выпита другим...» (28 сентября 1923 г.) позволяет говорить о том, что последовательность расположения произведений цикла совпадает с очередностью их написания [1].

Впервые цикл «Любовь хулигана» был напечатан с посвящением «Августе Миклашевской» в составе книги «Москва кабацкая»⁹, вышедшей 1 июля 1924 г. Позже стихотворения в той же последовательности, но уже без посвящения были опублико-

⁹ В последней авторской редакции композиция сборника «Москва кабацкая» выглядела так: 1) «Стихи — как вступление к “Москве кабацкой”» (4 стихотворения); 2) цикл «Москва кабацкая» (4 стихотворения); 3) цикл «Любовь хулигана» (7 стихотворений); 4) «Стихотворение как заключение» («Не жалею, не зову, не плачу...», 1921).

ваны в книге «Стихи» (1924). При подготовке Собрания стихотворений (1926) Есенин снял заголовок цикла, но сохранил последовательность стихотворений. Особое значение для понимания художественного своеобразия цикла «Любовь хулигана» имеет его идейно-творческая связь с «Москвой кабацкой». «Любовь хулигана» является смысловым и структурным центром книги, а стихотворение «Дорогая, сядем рядом...» — лирической кульминацией этого цикла [21]. Таким образом, можно уверенно предположить, что на определенном этапе Есенин мыслил «Любовь хулигана» как единое художественное целое с книгой «Москва кабацкая». Эту целостность можно было бы охарактеризовать как *противоречивое единство*.

Стихотворения цикла «Москва кабацкая» — «Я обманывать себя не стану...» (1922), «Да! Теперь решено. Без возврата...» (1922), «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (<1922>), «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» (<1923>), «Эта улица мне знакома...» (1923), «Мне осталась одна забава...» (1923) — близки традициям Тютчева с его восприятием любви как борьбы, «поединка рокового»:

«И роковое их слиянье, И... поединок роковой...» [50, т. 2, с. 50]):	«Я искал в этой женщине счастья, А нечаянно гибель нашел» [42, т. 1, с. 173].
---	--

В творчестве Тютчева «открывается бездна сердца человеческого, та “злая страсть”, в которую перерождается любовное чувство» [5, с. 148]. Его любовная лирика 1850–1860 гг. проходит эволюцию от страдания, гибели, душевной опустошенности и «мученья» к восприятию страдания «как пути к искуплению и преображению души» [11, с. 125]. В стихотворении Тютчева «Предопределение» появляется важный для Есенина образ «нежного сердца», которое, чем нежнее, тем вернее страдает:

«И чем одно из них *нежнее*
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изнает наконец...» [49, т. 2, с. 50] (курсив наш. — Е.А.).

Следом за «Предопределеньем» с «роковым слияньем» идет знаменитое стихотворение «О, как убийственно мы любим...» (1851):

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей! [50, т. 2, с. 35]

Тютчевский мотив губительной любви звучит в стихотворении Есенина «Пой же, пой. На проклятой гитаре...»: «Подошла и прищуренным глазом / Хулигана свела с ума» [42, т. 1, с. 173]), — с той, конечно, разницей, что, в отличие от Тютчева, у Есенина гибель принимает сам лирический герой. Этой гибелью завершается роковое противостояние между ним и падшей женщиной:

Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь — зараза,
Я не знал, что любовь — чума [42, т. 1, с. 173].

У Тютчева в стихотворении «Когда на то нет Божьего согласия...» (1865) любовные страдания возвышают душу лирического героя, очищают и обновляют ее:

«Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...» [50, т. 2, с. 134].

Этот мотив получает воплощение в стихотворении «Мне осталась одна забава...», где лирический герой Есенина с истерзанной душой надеется обрести покой в конце мучительного, полного ошибок и заблуждений пути: «Чтоб за все за грехи мои тяжкие, / За неверие в благодать / Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать» [42, т. 1, с. 186].

Л.Г. Кихней и В.А. Гавриков, рассматривая тему «блуда, падших женщин» в «Москве кабацкой», отмечают особую грубость женских образов этого цикла [13, с. 206]. Действительно, в «Москве кабацкой» провозглашается: «Я читаю стихи проституткам, / И с бандитами жарю спирт» [42, т. 1, 168]. Однако эта грубость и внешняя простота стихотворений «Москвы кабацкой» скрывает их глубокую и серьезную философскую проблематику, в центре которой — важнейший вопрос о возможности преодоления инстинктивного, животного начала в любви. Н.А. Бердяев в книге «Смысл творчества» (1916) (присутствовавшей в личной библиотеке Есенина)¹⁰ утверждает: «Полюс противоположный целомудрию — разврат — есть крайняя степень дробления половой энергии, отчуждение ее от целостного существа человека, утеря цельности» [40, с. 401]. В «Москве кабацкой» образ низкой, животной любви выходит на первый план:

Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах прижимал.

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь — простыня да кровать.
Наша жизнь — поцелуй да в омут [42, т. 1, с. 174].

Животная природа любви ужасает и отталкивает поэта. Натуралистичные, эпатажные образы («проститутки», «молодая, красивая дрянь», «кобели», «истекающая сука», «паршивая сука», «стерва», «сисястая» и др. [42, т. 1, с. 168, 173, 174, 307, 308]) призваны обнажить глубинное неприятие поэтом отношений такого рода. Как и для Бердяева, для Есенина подобная связь ведет к «утрате целостного существа

¹⁰ См. об этом: [34, с. 83].

человека». Не случайно возникает нарочито вульгарная картина с «очередью кобелей»: она являет своего рода поэтический манифест отказа от животной связи между мужчиной и женщиной. Так Есенин по-своему отвечает на философские поиски современников и предшественников, стремящихся к преображению и просветлению физиологической стороны отношений между мужчиной и женщиной.

От «Москвы кабацкой» с ее ужасом перед темной, животной изнанкой отношений поэт восходит к очищению, прощению и высокому пониманию любви в цикле «Любовь хулигана». Двойственность и противоречивость цикла «Москва кабацкая»¹¹ находят своего рода продолжение в оксюморонном сочетании *нежного хулиганства* в «Любви хулигана» («А теперь вдруг растут слова / Самых нежных и кротких песен» [42, т. 1, с. 189]). Интонационное содержание «Любви хулигана» подтверждает мысль о том, что есенинское хулиганство — это «мировоззренческая, экзистенциально-поведенческая позиция» [31, т. 1, с. 377], в кабацких стихах поэт надевает маску, «напоминающая русского юродивого» [38, с. 251]¹².

По своему художественно-философскому содержанию стихотворения из цикла «Любовь хулигана» резко отличаются от любовной лирики «Москвы кабацкой». Так центральная художественно-идейная доминанта «Любви хулигана» — духовное возрождение через светлое чувство любви — согласуется с философией любви Флоренского, для которого «любовь возможна к лицу, а вожделение к вещи» [51, с. 88]. Вожделение лишает любовь истинной ценности: «ведь, в самом деле, если любовь никого никуда метафизически не выводит, если она никого ни с кем не соединяет реально, если она не онтологична, а лишь психологична, то почему видеть в ней что-то более ценное, чем просто щекотку души?» [51, с. 87]. Лирический герой Есенина, переживая чувство любви, проходит духовную эволюцию. Для него любовь становится чем-то очевидно «более ценным, чем просто щекотка души».

Если в стихотворении «Ты такая ж простая, как все...» звучит мысль о противопоставлении высшего и земного «Не хочу я лететь в зенит, / Слишком многое телу надо» [42, т. 1, с. 189], то в стихотворении «Мне грустно на тебя смотреть...» открывается «иная радость» [42, т. 1, с. 195]. Так лирический герой цикла «Любовь хулигана» приближается к пониманию того, что любовь «есть выход из эмпирического и переход в новую действительность» [51 с. 97].

Элегическая тональность первых стихотворений «Любви хулигана» соответствует мироощущению Есенина той поры. О.С. Литовский вспоминал:

Теплая, тихая, даже в городе золотистая ранняя осень. Очень скромно одетый, какой-то умиротворенный, непривычно спокойный Есенин и Миклашевская под тонкой синеватой вуалью — зрелище блоковское [18, с. 26].

Начало цикла наполнено вдохновением и жаждой преобразования лирического героя, который был «как запущенный сад» [42, т. 1, с. 187] до встречи с поэтическим идеалом. Сохранилось мемуарное свидетельство Миклашевской, из которого известны обращенные к ней слова поэта, сказанные в одну из таких встреч: «Я с вами, как гимназист...» [47, с. 84].

¹¹ Далее при упоминании «Москвы кабацкой» речь идет о цикле.

¹² Это же отмечалось в критике 1920-х гг. И.М. Машбиц-Веров пишет, что любовь у Есенина «удивительно нежная», это лишь «желание во что бы то ни стало казаться хулиганом» [46, с. 143–144]. А.З. Лежнев отмечает, что это «вещи совершенно необычной — даже для Есенина — нежности и задушевности. <...> Здесь гораздо больше грусти, элегических излияний, чем страсти» [44, с. 130] и др.

В стихотворении «Заметался пожар голубой...» любовь воодушевляет лирического героя («Если б знала ты сердцем упорным, / Как умеет любить хулиган» [42, т. 1, с. 187]). Это воодушевление раскрывается в яркой метафоре — «заметался пожар голубой» [42, т. 1, с. 187], символизирующей вдохновенный порыв чувств. В этом произведении преобладает пафос любви-вдохновения, очищения, обновления и отречения от прошлого: «Разонравилось пить и плясать / И терять свою жизнь без оглядки» [42, т. 1, с. 187]. Анафора «В первый раз я запел про любовь, / В первый раз отрекаюсь скандалить» [42, т. 1, с. 187–188] подчеркивает, что возвышенную любовь (противопоставленную «пошлости», преобладающей в кабацких стихах) лирический герой с такой силой не испытывал раньше.

Это есенинское понимание любви в ее нравственном воздействии на человека, в способности к его духовному возвышению восходит не только к философской традиции, но и к романтической литературе. Как известно, в романтизме любовь воспринимается как средство обретения гармонии с миром, как некое глубоко «мистическое» чувство¹³: «романтическое переживание любви» заключается «в крайнем повышении ее идеального значения», возлюбленная «*обожествляется*, так как представляет в глазах поэта высшие субстанциональные силы бытия» [20, с. 38]. В качестве более конкретного лирического истока такого рода понимания любви у Есенина можно назвать столь важное для него творчество Пушкина. Обожествление лирической героини, ее идеализация, восприятие красоты как Божьего дара — эти идейно-художественные константы пушкинской философии любви присутствуют в стихотворениях «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825), «Я вас любил: любовь еще, быть может...» (1829), «Мадонна» (1830), «Красавица» (1832) и др. Так, сонет «Мадонна» («...Творец / Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, / Чистейшей прелести чистейший образец» [48, т. 6, с. 400]) «исполнен молитвенного обращения-благодарения, которое сложно выразить словами, подобными и соотносимыми со славословиями Пречистой Девы» [16, с. 118].

Возвышенное переживание духовного преображения лирическим героем в созерцании возлюбленной объединяет стихотворения Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825), Тютчева «К.Б.» («Я встретил вас, и все былое...», 1870) и Есенина «Заметался пожар голубой...». «Мне бы только смотреть на тебя», [42, т. 1, с. 187] — уверяет своего «гения чистой красоты» лирический герой есенинского стихотворения, тем самым утверждая, что любование для него важнее обладания.

У Пушкина любовь воскрешает душу лирического героя и вдохновляет его на творчество («И сердце бьется в упоенье, / И для него воскресли вновь / И божество, и вдохновенье, / И жизнь, и слезы, и любовь» [48, т. 4, с. 88]), у Тютчева она воплощает полноту жизни: «Тут жизнь заговорила вновь» [50, т. 2, с. 219]. Преображение у Есенина связано с тем, что любовь пробуждает творческие и жизненные силы (желание «запеть про любовь» [42, т. 1, с. 187]), но в то же время она полностью овладевает лирическим героем, уводя его в реальную жизнь от поэзии («Я б навеки пошел за тобой / Хоть в свои, хоть в чужие дали...» [42, т. 1, с. 188]). Однако у Есенина (пусть это и художественная условность) чувство описано как новый духовный опыт, что подчеркивается анафорой и кольцевой композицией («В первый раз...»). В то время как в стихотворениях

¹³ Ср.: «Все романтические писатели подчеркивают мистическое значение любви. Когда мы любим, мы прозреваем в любовном существе его истинную сущность, только скрытую от других, нелюбящих глаз, бесконечную душу, одетую в новую благоуханную плоть, — душу и плоть в одном таинственном соединении и просветлении» [10, с. 76].

Пушкина («И вот опять явилась ты...» [48, т. 4, с. 88]) и Тютчева («Как после вековой разлуки...» [50, т. 2, с. 219]) это именно «воскресшая» любовь. Все три стихотворения написаны в форме, близкой жанру элегического послания и имеют реальных адресатов (Анна Керн, Амалия фон Крюгер, Августа Миклашевская), хотя биографический элемент замещается осмыслением любви как неотъемлемой части бытия, что, видимо, объясняет отказ Есенина от прямого посвящения в последующих публикациях.

Особое значение для содержания цикла «Любовь хулигана» имеет центральный женский образ: нежный и лиричный. Уже во втором стихотворении цикла «Ты такая же простая, как все...» любовная тема соединяется с темами творчества и родины. На первый план выходит образ преображенной природы. Портрет лирической героини органически вписан в этот пейзаж: она «знает» «одиноким рассвет», «холод осени синий» [42, т. 1, с. 189]. Ее имя ассоциативно соотносится с адресатом — Августой Миклашевской: оно «звенит», «словно августовская прохлада» [42, т. 1, с. 189]. Здесь снова, как в раннем стихотворении «Не бродить, не мять в кустах багряных...», имя становится прообразом бытия: «Зерна глаз твоих осыпались, завяли, / Имя тонкое растаяло, как звук» [42, т. 1, с. 72] (курсив наш. — Е.А.). Женщина воспринимается уже не только как человек, а как *имя* в лосевском понимании: оно «есть не просто звук, но еще и нечто совершенно иное, несоизмеримое ни с каким звуком» [45, с. 632]. С.А. Серегина, анализируя стихотворение «Не бродить, не мять в кустах багряных...», приходит к выводу:

Звуковая оболочка имени несет на себе следы “подлинной сущности” женского образа как живого символа и идеального прообраза мира. Истайвание этого имени, его исчезновение сопровождается физическим распадом [32, с. 402].

Такое же звуковое наполнение женского имени (но уже более конкретное) мы находим в «Любви хулигана».

Мысль о любви как спасении прямо утверждается в композиционном центре цикла — стихотворении «Дорогая, сядем рядом...»: «Это золото осень, / Эта прядь волос белесых — / Все явилось, как *спасенье* / Беспокойного повесы» [42, т. 1, с. 193] (курсив наш. — Е.А.). Здесь возникает явная переключка с творчеством Достоевского: с мотивом спасительной, жертвенной, «деятельной любви», способной выволить человека из греховной бездны (как Сонечка Мармеладова Раскольников). А.Г. Гачева пишет о различии у писателя истинной любви и страсти:

Если истинная любовь выстраивает душу, собирает все силы и способности человека на подвиг служения <...>, то страсть разрушительна для сердца человеческого, сминает, коржит его [5, с. 155].

Этот же комплекс смыслов читается и у Есенина в цикле «Любовь хулигана»: высокое чувство должно стать спасением из бездны. Любовь лирического героя, достигшего «возраста осени», зрелая, и, что особенно важно, «нежная». Она сродни любви к ближнему, по Достоевскому, («У вас *нежности* нет: одна правда, стало быть — несправедливо» [41, т. 8, с. 354]) и «дружественному отношению, *нежному* выражению любви», по Флоренскому [51, с. 320] (курсив наш. — Е.А.). Одновременно лирический герой стихотворения «Дорогая, сядем рядом...» близок к пониманию зрелой любви Тютчевым: «О, как на склоне наших лет / *Нежней* мы любим и суеверней...» [50, т. 2, с. 59]. В этом стихотворении Есенин по-тютчевски видит в возлюбленной спутника

и друга: «Поглядим в глаза друг другу...» [42, т. 1, с. 194]. У Флоренского филическая любовь-дружба соединяет людей по духу и открывает им иное восприятие жизни:

Дружба дает человеку самопознание; она открывает, где и как надо работать над собой. Но эта *прозрачность* (курсив наш. — Е.А.) Я для себя самого достигается лишь в *жизненном* взаимодействии любящих личностей [51, с. 352].

В стихотворении «Пускай ты выпита другим...» «прозрачный» взгляд связан с пережитыми чувствами и духовной эволюцией лирического героя:

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта [42, т. 1, с. 192].

В возлюбленной он видит человека не только близкого по духу, но и единственного, способного «стать спутницей поэта» и услышать его исповедь: эта мысль подчеркивается повтором «ты одна», «в тебе одной» [42, т. 1, с. 192].

В отличие от некоторых тенденций литературы романтизма и философской традиции, отвергающей земное, Есенин в цикле «Любовь хулигана» стремится не только сохранить в идеальном образе возлюбленной земные черты, но и раскрыть в ее портрете «узловую завязь самой природы» с сущностью человека [42, т. 5, с. 201] («глаз златокарий омут», «поступь нежная, легкий стан», волосы «цветом в осень» [42, т. 1, с. 187–188]). Его «идеал женственности» [30, с. 86] дан конкретно. Однако в то же время образ лирической героини приобретает обобщенные черты: она простая, «как сто тысяч других в России» [42, т. 1, с. 187–189]), т.е. представляет образ идеальной русской женщины (подобно пушкинской Татьяне) и в то же время возводится к Богородице («иконный и строгий лик» [42, т. 1, с. 189]). В этом вновь слышен отзвук философии Соловьева, у которого Вечная Женственность воплощает, с одной стороны, божественное начало в мире, с другой — «единящее начало тварного мира» [4, с. 57]. Обретение Божественного в индивидуальном, вечно-женственного в реальной женщине — центральные идеи философии Соловьева:

Полная же реализация, превращение индивидуального женского существа в неотделимый от своего лучезарного источника луч вечной Божественной женственности, будет <...> воссоединением индивидуального человека с Богом [49, т. 2, с. 534].

Есенинская лирическая героиня в стихотворении «Ты такая ж простая, как все...» становится «лучом одного идеального светила — всеединой сущности» [49, т. 2, с. 533].

Это стремление Есенина к тургеневскому образу «серебра юности», к раскрытию в образе реальной женщины богородичных черт можно трактовать как невозможность решить проблему пола, актуальную в начале XX в. Однако здесь также усматривается определенная литературная ретроспектива, восходящая к Пушкину, которому была «нужна не готовая страсть, а любовь, свободная от страсти, сама любовь, собственно любовь» [23, с. 205]. Противопоставление страсти и возвышенной любви — важнейшие мотивы творчества Пушкина. В стихотворении «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» (1830) лирическому герою «милее» «мучительное» счастье со «смирenni-

цей», чем «стенанья, крики вакханки молодой» [48, т. 8, с. 207]. Своего рода отзвук этих строк можно услышать в стихотворении Есенина «Дорогая, сядем рядом...»: «Я хочу под кротким взглядом / Слушать чувственную вьюгу» [42, т. 1, с. 194]. У Пушкина идеал («гений чистой красоты», «мимолетное видение», «все в ней гармония, все диво» [48, т. 4, с. 87; т. 8, с. 252]) пробуждает в сердце «Божество»: женская красота становится «эстетическим источником религиозного жизнеощущения» поэта [36, с. 26]. Есенин ведет с литературно-философской традицией полифонический диалог¹⁴: противостояние «кабацкого» омета и «нежной» любви у поэта отвечает пушкинской системе ценностей. Однако женский идеал у Есенина более многогранный: возлюбленная для него — близкий человек, сестра и друг.

Несмотря на то что цикл «Любовь хулигана», судя по всему, задумывался как «выход» из кабацких стихов, и на стремление поэта утвердить в возлюбленной высокий идеал, а в самой любви — очищение и спасение, цикл наполнен драматизмом. Его трагическая тональность усиливается от произведения к произведению. Этот нарастающий драматизм связан с фактами биографии Есенина той поры. 21 ноября 1923 г. развернулась кампания вокруг так называемого «Дела четырех поэтов», в основу которой легло обвинение С.А. Есенина, П.В. Орешина, А.А. Ганина и С.А. Клычкова в антисемитизме. Л.С. Сосновский опубликовал статью «Испорченный праздник» в «Рабочей газете», что вызвало литературно-общественный резонанс, ситуация стала широко освещаться в печати и приобрела политическое звучание, травля Есенина продолжалась и после закрытия дела на Товарищеском суде 13 декабря 1923 г. (см. [17, т. 4, с. 12–13]). В это же время (13 декабря 1923 г.) поэт оказался в профилактории им. Е.Л. Шумской, где было написано стихотворение «Вечер черные брови насопил...», отмеченное мотивами болезни, смерти, предчувствия конца: «Голова ль ты моя удалая, / До чего ж ты меня довела?» [42, т. 1, с. 200].

Эти обстоятельства тяжело переживались поэтом и оказали влияние на его эмоциональное состояние. Есенин пишет Л.Д. Троцкому:

Мне очень больно за всю историю <...> Существо мое возмущено до глубины той клеветой, которую воздвигли на моих товарищей и на меня [17, т. 4, с. 138–139].

В.Е. Воскресенский вспоминает о встрече с Есениным в этот период:

Я видел человека надорванного, больного и, самое важное, уже без следа того могучего запаса сил, которыми он был снабжен от природы. Я видел человека, уже тогда, по-моему, лишённого воли к жизни [17, т. 4, с. 149].

В это время Есенин работал над двумя завершающими цикл произведениями: — уже упомянутым стихотворением «Вечер черные брови насопил...» и стихотворением «Ты прохладой меня не мучай...». Развернувшаяся кампания определила, судя по всему, их минорную тональность: «Одержимый тяжелой падучей, / Я душой стал, как желтый скелет» [42, т. 1, с. 197]. Так цикл «Любовь хулигана» получил драматическое завершение: ожидаемое в первых стихотворениях цикла преобразование «хулигана» через любовь не состоялось.

Заключительное стихотворение «Вечер черные брови насопил...» наполнено предчувствием гибели: надежды на спасение нет («Может, завтра больничная койка /

¹⁴ «Полифонический диалог является своего рода системообразующей особенностью творчества Есенина и определяет не только основные черты его поэтики, но и принципы использования традиций мировой литературы» [39, с. 153].

Упокоит меня навсегда» [42, т. 1, с. 199]). Однако лирический герой сохраняет память об идеале, который лишается конкретных черт: «Облик ласковый! Облик милый! / Лишь одну не забуду тебя» [42, т. 1, с. 199]. Здесь вновь Есенин перекликается с любимым им Пушкиным. Стихотворение «Я вас любил: любовь еще, быть может...» (1829) завершается пожеланием возлюбленной: «Я вас любил так искренно, так *нежно*, / Как дай вам Бог любимой быть другим» (и здесь снова стоит обратить внимание на слово «нежно», обозначающее глубокое и зрелое чувство) [48, т. 6, с. 214] (курсив наш. — Е.А.). В пушкинских строках нет порыва ревности, безысходности, тоски, наоборот, они наполнены светом и умиротворением, что созвучно есенинскому стихотворению «Вечер черные брови насопил...»:

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой [42, т. 1, с. 200].

Это желание лирического героя помнить и не забывать «дорогую, что когда-то он звал дорогой» близко мысли Флоренского о тоске по «горнему идеалу», открывшемуся на мгновение через истинную любовь:

Любовь дает встряску целому составу человека, и после этой встряски, этого «землетрясения души», он *может* искать. <...> на мгновение сдерживает пыльный покров с твари, хотя бы в одной точке, и обнаруживает бого-зданную красоту ее [51, с. 319].

Как пример тоски по открывшемуся Флоренский приводит строки пушкинского стихотворения «К***»: «Звучал мне долго голос нежный, / И снились милые черты» [48, т. 4, с. 87].

У Есенина критерием нравственного очищения, способного спасти лирического героя, становится любовь к родному краю. Личные переживания неотделимы от размышлений о Руси, которая теперь видится ему в ином свете:

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты [42, т. 1, с. 192].

Преображение взгляда на мир связано с изменением понимания любви. Любовная лирика постепенно перерастает в исповедь, проникнутую размышлениями о судьбе поэта в мире. Есенин утверждает главное в своем творчестве — искренность чувств: «Я сердцем никогда не лгу» [42, т. 1, с. 191]. Поэт надеется, что в родных местах он сможет обрести душевный покой («Мне пока горевать еще рано» [42, т. 1, с. 198]) и научиться заново «мечтать по-мальчишески в дым» [42, т. 1, с. 197], вернув былую чистоту чувств и восприятий. Именно родные места дают силы на будущее — не материальное, а духовное:

«Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек» [42, т. 1, с. 198].

Образ возлюбленной уходит на второй план и растворяется в пейзаже («Золотей твоих кос по курганам / Молодая шумит лебеда» [42, т. 1, с. 198]): поэт понимает, что там, в родных местах, может найти единственный путь к спасению души.

Таким образом, художественное содержание цикла «Любовь хулигана» определяется концептом любви как преображения и преодоления животной страсти «Москвы кабацкой» в контексте полифонического диалога Есенина как с классиками русской любовной лирики, так и с философскими поисками современников. Сложность многоуровневой системы, лежащей в основе этого концепта, обусловлена пересечением эстетических и философских, религиозных и эзотерических установок, синтез которых и представлен в художественной рефлексии поэта. Есенин по-своему преодолевает проблему пола, актуальную в начале XX в., проходя духовную и творческую эволюцию в циклах «Москва кабацкая» и «Любовь хулигана». Если первый близок тютчевской традиции любви как «поединка рокового», то второй — пушкинским мотивам любви как преображения и обновления. В цикле Есенина любовь мыслится лирическим героем как спасение, это зрелое и нежное чувство, любовь-дружба: высшее выражение любви по Флоренскому. Однако факты биографии Есенина той поры определили драматическое звучание «Любви хулигана» и его почти трагический финал: с мотивами скорой гибели и болезни. Поэт пребывал в тяжелом эмоциональном состоянии, связанном с кампанией вокруг «Дела четырех поэтов». Однако, несмотря на то что идея *любви как преображения* не находит полного воплощения в цикле, поэт обретает спасение в любви к родному краю, выходя на главную тему своего творчества — любви к Родине.

Список литературы

Исследования

- 1 Аналькова Е.С., Шубникова-Гусева Н.И. Поэтический цикл Сергея Есенина «Любовь хулигана»: вопросы творческой истории и поэтики // *Philologos*. 2024. №3 (62). С. 12–19.
- 2 Базанов В.Г. О Сергее Есенине (заметки) // *Русская литература*. 1974. №4. С. 19–34.
- 3 Бельская Л.Л. Песенное слово: Поэтическое мастерство С. Есенина. М.: Просвещение, 1990. 142 с.
- 4 Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.
- 5 Гачева А.Г. Философия любви // *Гачева А.Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев)*. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 135–250.
- 6 Гачева А.Г. Этика преображенного Эроса в зеркале русской философии и литературы // *Вопросы философии*. 2019. №9. С. 198–209.
- 7 Горюнова Т.А. Мир, человек, слово в философии всеединства В. Соловьева и С. Булгакова // *Вестник Вятского государственного университета*. 2010. Т. 1, №4. С. 18–22.
- 8 Дрожжина Е.Ю. «От хулигана до лирика»: антиномия любви в поэтической трактовке С.А. Есенина разных лет // *Сергей Есенин и его современники: сб. науч. тр.* М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 181–193.
- 9 Едошина И.А. Владимир Соловьев и Павел Флоренский: вариация на тему платонизма // *Соловьевские исследования*. 2020. Вып. 3 (67). С. 26–38.

- 10 *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика / предисл. и комм. А.Г. Аствацатурова. СПб.: Аксиома; Новатор, 1996. 332 с.
- 11 *Калашиникова А.Л.* Мотивы страдания и преображения в любовной лирике Ф.И. Тютчева // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания филологических дисциплин: сб. ст. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2021. С. 120–126.
- 12 *Кантор В.* «Вечно женственное» и русская культура // Октябрь. 2003. № 11. С. 73–78.
- 13 *Кихней Л.Г., Гавриков В.А.* «Кабацкий локус» в русской поэзии XX века: статья вторая // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 204–220.
- 14 *Клинг О.А.* Мифологема «Ewige Weiblichkeit» (Вечная Женственность) в гендерном дискурсе русских символистов и постсимволистов // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 2009. С. 438–452.
- 15 *Козырев А.П.* Смысл любви в философии Владимира Соловьева и гностические параллели // *Козырев А.П.* Соловьев и гностики. 2007. М.: Издатель Савин С.А. С. 101–129.
- 16 *Кучина Е.А.* «Благоговей богомольно / Перед святыней красоты»: тема любви и образ возлюбленной в молитвенной лирике и в поэме в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 3 (2). С. 117–120.
- 17 *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев, А.Н. Захаров, Н.И. Шубникова-Гусева.* М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. 4. 736 с.
- 18 *Литовский О.С.* Так и было. М.: Сов. писатель, 1958. 248 с.
- 19 *Малыгина Н.М.* Образ идеальной возлюбленной в творчестве Сергея Есенина и Андрея Платонова // Проблемы научной биографии С.А. Есенина: сб. ст. Рязань: Пресса, 2010. С. 387–404.
- 20 *Манн Ю.В.* Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.
- 21 *Мекш Э.Б.* Сюжетно-композиционная система книги стихов С.А. Есенина «Москва кабацкая» // Сюжетосложение в русской литературе: сб. ст. Даугавпилс: Изд-во Даугавпилсского пед. ин-та, 1980. С. 105–113.
- 22 *Мескин В.А.* «Бывают странные сближенья»: В. Соловьев и Ф. Сологуб в русском символизме // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 4. С. 81–87.
- 23 *Непомнящий В.С.* Из набросков о лирике Пушкина // Московский пушкинист: ежегод. сб. М.: Наследие, 1997. Вып. 4. С. 191–219.
- 24 *Подошвина Н.В.* В.С. Соловьев и П.А. Флоренский: опыт познания Софии и учение о природе человека // Соловьевские исследования. 2006. № 2 (13). С. 153–159.
- 25 *Попов М.Н.* Владимир Соловьев и русский символизм // Владимир Сергеевич Соловьев и современность: сб. науч. ст. М.: Изд-во Всерос. заочного финансово-экономического ин-та, 2001. С. 99–106.
- 26 *Прокушев Ю.Л.* Бессмертная душа России (Есенин сегодня, завтра, всегда) // О, Русь, взмахни крылами... Есенинский сб. М.: Наследие, 1994. Вып. 1. С. 5–45.
- 27 *Пьяных М.* «Узловая завязь природы с сущностью человека» // В мире Есенина: сб. ст. М.: Сов. писатель, 1986. С. 211–226.
- 28 *Пяткин С.Н.* Пушкианство Есенина и лирический цикл «Любовь хулигана» // *Пяткин С.Н.* Пушкин в художественном сознании Есенина. Арзамас: Изд-во Арзамасского гос. пед. ин-та, 2007. С. 98–120.

- 29 Пяткин С.Н., Усанова А.В. «Как умеет любить хулиган...»? О сюжете лирического цикла С.А. Есенина «Любовь хулигана» // Современное есениноведение. 2020. №2 (53). С. 58–64.
- 30 Савченко Т.К. Искусство женского портрета в лирике Есенина: некоторые наблюдения // Сергей Есенин и искусство: сб. науч. трудов. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 76–98.
- 31 Семенова С.Г. Полюса русской души и русской идеи в поэзии Сергея Есенина // Семенова С.Г. Метафизика русской литературы: в 2 т. М.: Издат. дом «ПоРог», 2004. Т. 1. С. 359–389.
- 32 Серегина С.А. Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 808 с.
- 33 Солнцева Н.М. Сергей Есенин. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 2004. 80 с.
- 34 Субботин С.И. Библиотека Сергея Есенина // Библиофилы России: альманах. М.: Любимая Россия, 2006. Т. 3. С. 49–93.
- 35 Тахо-Годи Е.А. Радость страдания (философия любви А.Ф. Лосева) // Философские эманации любви. М.: Дом ЯСК, 2018. С. 118–147.
- 36 Франк С.Л. Этюды о Пушкине. М.: Согласие, 1999. 178 с.
- 37 Шестаков В.П. Вступительная статья // Русский эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. С. 5–18.
- 38 Шубникова-Гусева Н.И. Есенин в Польше (1918–1939): Рецепция и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 427 с.
- 39 Шубникова-Гусева Н.И. Диалог как основа творчества Есенина // Столетие Сергея Есенина: междунар. симпозиум. Есенинский сб. М.: Наследие, 1997. Вып. 3. С. 130–159.

Источники

- 40 Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
- 41 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975.
- 42 Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Наука, Голос, 1995–2002.
- 43 Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
- 44 Лежнев А. Литературный обзор // Печать и революция. 1925. №1. С. 129–137.
- 45 Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с.
- 46 Машбиц-Веров И.М. [Рецензия] // Октябрь. 1925. №2. С. 142–145.
- 47 Миклашевская А.Л. Встречи с поэтом // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 83–92.
- 48 Пушкин А.С. Собр. соч.: в 12 т. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Т. 4. 492 с. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 6. 608 с. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 8. 511 с.
- 49 Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
- 50 Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч.: в 6 т. М.: Изд. центр «Классика», 2003. Т. 2. 640 с.
- 51 Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2007. 633 с.

© 2025. Elizaveta S. Apalkova
Moscow, Russia

**“LOVE AS TRANSFORMATION”:
S.A. ESENIN AND THE TRADITIONS OF RUSSIAN LOVE LYRICS**

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with support of the grant of the Russian Scientific Foundation (project no. 25-28-01038).

Abstract: The paper discusses the concept of saving love in the cycle of S.A. Esenin “The Love of a Hooligan”: in its substantive opposition to the motif of animal passion in “Moscow Tavern” and in the context of the poet’s polyphonic dialogue with the literary and philosophical tradition. In European literature, the motif of the transforming power of love and the image of an ideal beloved go back to Dante Alighieri’s “Divine Comedy”. In Russian literature, it is especially vividly developed in the works of A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev and the Symbolists, in particular A.A. Blok. In Russian religious philosophy, love becomes an object of reflection at the beginning of the 20th century (Vl.S. Solovyov, P.A. Florensky, etc.). This literary and philosophical tradition is originally embodied in the poetic cycle “The Love of a Hooligan” and the book “Moscow Tavern” by S.A. Esenin. The study analyzes how the historical and literary context receives a special refraction due to the dramatic circumstances in the poet’s biography of the 1920s (relationship with Avgusta Miklashevskaya, the so-called “Case of the Four Poets”), and also identifies echoes with the works of Solovyov, Florensky, the concept of love in F.M. Dostoevsky, as well as the lyrics of Pushkin, Tyutchev. The author concludes that the development of the lyrical plot determines the movement from the motif of love-salvation to the tragic motif of death. This poetic dramaturgy is inscribed in the reflections of the lyrical hero on his life path, inseparable from the fate of his homeland.

Keywords: S.A. Esenin, Love Lyrics, “Love of a Hooligan”, “Moscow Tavern”, Traditions, Philosophical Context.

Information about the author: Elizaveta S. Apalkova — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0042-9494>

E-mail: liezchen@mail.ru

Received: January 31, 2025

Approved after reviewing: February 03, 2025

Date of publication: June 25, 2025

For citation: Apalkova, E. S. “‘Love as Transformation’: S.A. Esenin and the Traditions of Russian Love Lyrics.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 76, 2025, pp. 154–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-154-172>

References

- 1 Apal'kova, E.S., Shubnikova-Guseva, N.I. "Poeticheskii tsikl Sergeia Esenina 'Liubov' khuligana': voprosy tvorcheskoi istorii i poetiki" ["Poetic Cycle by Sergey Yesenin *Love of Hooligan*: Aspects of Creative History and Poetics"]. *Filologos*, no. 3 (62), 2024, pp. 12–19. (In Russ.)
- 2 Bazanov, V.G. "O Sergee Esenine (zametki)" ["On Sergei Yesenin (Notes)"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1974, pp. 19–34. (In Russ.)
- 3 Bel'skaia, L.L. *Pesennoe slovo: Poeticheskoe masterstvo S. Esenina* [Song word: Poetic mastery of S. Yesenin]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 142 p. (In Russ.)
- 4 Gaidenko, P.P. *Vladimir Solov'ev i filosofia serebriannogo veka* [Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2001. 472 p. (In Russ.)
- 5 Gacheva, A.G. "Filosofia liubvi" ["Philosophy of Love"]. Gacheva, A.G. "Nam ne dano predugadat', Kak slovo nashe otzovetsia...' (Dostoevskii i Tiutchev)" ['We are not given to predict how our word will resonate...' (Dostoevsky and Tyutchev)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004, pp. 135–250. (In Russ.)
- 6 Gacheva, A.G. "Etika preobrazhennogo Erosa v zerkale russkoi filosofii i literatury" ["Ethics of Transformed Eros in the Context of Russian Philosophy and Literature"]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 2019, pp. 198–209. (In Russ.)
- 7 Goriunova, T.A. "Mir, chelovek, slovo v filosofii vseedinstva V. Solov'eva i S. Bulgakova" ["The World, Man, Word in the Philosophy of All-Unity by V. Solovyov and S. Bulgakov"]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, vol. 1, 2010, pp. 18–22. (In Russ.)
- 8 Drozhzhina, E.Iu. "Ot khuligana do lirika': antinomiia liubvi v poeticheskoi traktovke S.A. Esenina raznykh let" ["From a Hooligan to a Lyricist': the Antinomy of Love in a Poetic Interpretation of S.A. Yesenin of Various Years"]. *Sergei Esenin i ego sovremenniki* [Sergei Yesenin and His Contemporaries], Moscow, IWL RAS Publ., 2004, pp. 181–193. (In Russ.)
- 9 Edoshina, I.A. "Vladimir Solov'ev i Pavel Florenskii: variatsiia na temu platonizma" ["Vladimir Solovyov and Pavel Florensky: A Variation on the Theme of Platonism"]. *Solov'evskie issledovaniia*, no. 3 (67), 2020, pp. 26–38. (In Russ.)
- 10 Zhirmunskii, V.M. *Nemetskii romantizm i sovremennaia mistika* [German Romanticism and Modern Mysticism]. St. Petersburg, Aksioma Publ., Novator Publ., 1996. 332 p. (In Russ.)
- 11 Kalashnikova, A.L. "Motivy stradaniiia i preobrazheniia v liubovnoi lirike F.I. Tiutcheva" ["The Motifs of Suffering and Transformation in the Love Lyrics of F.I. Tyutchev"]. *Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniia filologicheskikh distsiplin: sbornik statei* [Current Issues of Philology and Methods of Teaching Philological Disciplines: Collected Works]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2021, pp. 120–126. (In Russ.)
- 12 Kantor, V. "'Vечно женственное' i russkaia kul'tura" ["'Eternally Feminine' and Russian Culture"]. *Oktyabr'*, no. 11, 2003, pp. 73–78. (In Russ.)
- 13 Kikhnei, L.G., Gavrikov, V. A. "'Kabatskii lokus' v russkoi poezii XX veka: stat'ia vtoraia" ["'Tavern Locus' in Russian Poetry of the 20th Century: The Second Article"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (53), 2020, pp. 204–220. (In Russ.)
- 14 Kling, O.A. "Mifologema 'Ewige Weiblichkeit' (Vechnaya Zhenstvennost') v gendernom diskurse russkikh simvolistov i postsimvolistov" ["The Mythologem 'Ewige

- Weiblichkeit' (Eternal Femininity) in the Gender Discourse of Russian Symbolists and Post-Symbolists"]. *Pol. Gender. Kul'tura: Nemetskie i russkie issledovaniia* [Sex. Gender. Culture: German and Russian Studies]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2009, pp. 438–452. (In Russ.)
- 15 Kozyrev, A.P. "Smysl liubvi v filosofii Vladimira Solov'eva i gnosticheskie paral-
leli" ["The Meaning of Love in the Philosophy of Vladimir Solovyov and Gnostic
Parallels"]. Kozyrev, A.P. *Solov'ev i gnostiki* [Soloviev and the Gnostics]. Moscow,
Savin S.A. Publ., 2007, pp. 101–129. (In Russ.)
- 16 Kuchina, E.A. "“Blagogoveia bogomol'no / Pered sviatynei krasoty”: tema liubvi i
obraz vozliublennoi v molitvennoi lirike i v poeme v stikhakh ‘Evgenii Onegin’ A.S.
Pushkina” [“With reverence and devotion / Before the shrine of beauty”: the Theme
of Love and the Image of the Beloved in the Prayerful Lyrics and in the Poem in Verse
‘Eugene Onegin’ by A.S. Pushkin]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta*,
no. 3 (2), 2011, pp. 117–120. (In Russ.)
- 17 *Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t.* [The Chronology of S.A. Yesenin: in
5 vols.], vol. 4. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 736 p. (In Russ.)
- 18 Litovskii, O.S. *Tak i bylo* [That's how it was]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1958.
248 p. (In Russ.)
- 19 Malygina, N.M. "Obraz ideal'noi vozliublennoi v tvorchestve Sergeia Esenina i Andreia
Platonova" ["The Image of the Ideal Beloved in the Works of Sergei Yesenin and
Andrei Platonov"]. *Problemy nauchnoi biografii S.A. Esenina: sbornik statei* [Issues
of Scientific Biography of S.A. Yesenin: Collected Works]. Riazan', Pressa Publ., 2010,
pp. 387–404. (In Russ.)
- 20 Mann, Iu.V. *Poetika russkogo romantizma* [Poetics of Russian Romanticism]. Mos-
cow, Nauka Publ., 1976. 375 p. (In Russ.)
- 21 Meksh, E.B. "Siuzhetno-kompozitsionnaia sistema knigi stikhov S.A. Esenina ‘Moskva
kabatskaia’” [“The Plot and Compositional System of S.A. Yesenin’s Verse Collec-
tion ‘Tavern Moscow’”]. *Siuzhetoslozhenie v russkoi literature: sbornik statei* [Plot
Composition in Russian Literature: Collected Works]. Daugavpils, Daugavpils Peda-
gogic Institute Publ., 1980, pp. 105–113. (In Russ.)
- 22 Meskin, V.A. "“Byvaiut strannye sbliuzhen'ia”: V. Solov'ev i F. Sologub v russkom
simvolizme” [“There are Strange Rapprochements’: V. Solovyov and F. Sologub
in Russian Symbolism”]. *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 4, 2009, pp. 81–87.
(In Russ.)
- 23 Nepomniashchii, V. S. "Iz nabroskov o lirike Pushkina” [“From the Sketches about
Pushkin’s Lyrics”]. *Moskovskii pushkinist: sbornik statei* [Moscow Pushkin Scholar:
Collection of Papers], vol. 4. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 191–219. (In Russ.)
- 24 Podoshvina, N.V. "Solov'ev i P.A. Florenskii: opyt poznaniia Sofii i uchenie o prirode
cheloveka” [“V.S. Soloviev and P.A. Florensky: the Experience of Knowing Sophia
and the Doctrine of Human Nature”]. *Solov'evskie issledovaniya*, no. 6 (13), 2006,
pp. 153–159. (In Russ.)
- 25 Popov, M.N. "Vladimir Solov'ev i russkii simvolizm” [“Vladimir Solovyov and
Russian Symbolism”]. *Vladimir Sergeevich Solov'ev i sovremennost': sbornik statei*
[Vladimir Sergeevich Solovyov and Modern Times: Collected Works] Moscow, All-
Russian Finance and Economics Institute Publ., 2001, pp. 99–106. (In Russ.)
- 26 Prokushev, Iu.L. "Bessmertnaia dusha Rossii (Esenin segodnia, zavtra, vseгда)” [“The
Immortal Soul of Russia (Yesenin Today, Tomorrow, Always)”]. *O, Rus', vzmakhni*

- krylami... *Eseninskii sbornik* [*Oh, Rus', Flap Your Wings... Yesenin Collection of Papers*], vol. 1. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 5–45. (In Russ.)
- 27 P'ianykh M. “‘Uzlovaia zaviiaz' prirody s sushchnost'iu cheloveka’” [“‘The Nodal Connection of Nature with the Essence of Man’”]. *V mire Esenina: sbornik statei* [*In the World of Yesenin: Collected Works*], Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 211–226. (In Russ.)
- 28 Piatkin, S.N. “*Pushkianstvo Esenina i liricheskii tsikl Liubov' Khuligana*” [*Esenin's Pushkinism and the lyrical cycle The Hooligan's Love*]. Piatkin, S.N. *Pushkin v khudozhestvennom soznanii Esenina* [*Pushkin in the Artistic Consciousness of Yesenin*]. Arzamas, Arzamas State Pedagogical Institute Publ., 2007, pp. 98–120. (In Russ.)
- 29 Piatkin, S.N., Usanova A.V. “‘Kak umeet liubit' khuligan...’? O siuzhete liricheskogo tsikla S.A. Esenina ‘Liubov' khuligana’” [“‘How Can a Hooligan Love...’? On the Plot of S.A. Yesenin's Lyrical Cycle ‘Love of a Hooligan’”]. *Sovremennoe eseninovedenie*, no. 2 (53), 2020, pp. 58–64. (In Russ.)
- 30 Savchenko, T.K. “*Iskusstvo zhenskogo portreta v lirike Esenina: nekotorye nabliudeniia*” [“The Art of Female Portraiture in Yesenin's Lyrics: Some Observations”]. *Sergei Esenin i iskusstvo: sbornik trudov* [*Sergei Yesenin and Art: Collection of Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 76–98. (In Russ.)
- 31 Semenova, S.G. “*Poliusa russkoi dushi i russkoi idei v poezii Sergeia Esenina*” [“The Poles of the Russian Soul and the Russian Idea in Sergei Yesenin's Poetry”]. Semenova, S.G. *Metafizika russkoi literatury: v 2 t.* [*The Metaphysics of Russian Literature: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, PoRog Publ., 2004, pp. 359–389. (In Russ.)
- 32 Seregina, S.A. *Nikolai Kliuev i Sergei Esenin: dialog s epokhoi* [*Nikolai Klyuev and Sergei Yesenin: Dialogue with the Era*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 808 p. (In Russ.)
- 33 Solntseva, N.M. *Sergei Esenin* [*Sergei Yesenin*]. Moscow, Moscow State University Publ., 2004. 80 p. (In Russ.)
- 34 Subbotin, S.I. “*Biblioteka Sergeia Esenina*” [“Library of Sergei Yesenin”]. *Bibliofily Rossii: al'manakh* [*Bibliophiles of Russia: Almanac*]. Moscow, Liubimaia Rossiia Publ., no. 3, 2006, pp. 49–93. (In Russ.)
- 35 Takho-Godi, E.A. “*Radost' stradanii (filosofia liubvi A.F. Loseva)*” [“Joy of Suffering (Philosophy of Love by A.F. Losev)”]. *Filosofskie emanatsii liubvi* [*Philosophical Emanations of Love*]. Moscow, Dom IaSK Publ., 2018, pp. 118–147. (In Russ.)
- 36 Frank, S.L. *Etiudy o Pushkine* [*Studies on Pushkin*]. Moscow, Soglasie Publ., 1999. 178 p. (In Russ.)
- 37 Shestakov, V.P. “*Vstupitel'naia stat'ia*” [“Introductory Article”]. *Russkii eros, ili Filosofii liubvi v Rossii* [*Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia*]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 5–18. (In Russ.)
- 38 Shubnikova-Guseva, N.I. *Esenin v Pol'she (1918–1939): Retseptsii i interpretatsiia* [*Esenin in Poland (1918–1939): Reception and Interpretation*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 427 p. (In Russ.)
- 39 Shubnikova-Guseva, N.I. “*Dialog kak osnova tvorchestva Esenina*” [“Dialogue as the Basis of Yesenin's Creativity”]. *Stoletie Sergeia Esenina: Mezhdunarodnyi simpozium. Eseninskii sbornik* [*Sergei Yesenin's Centenary: International Symposium. Yesenin's Collection*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 130–159. (In Russ.)